

по-разному — и Советом, и комитетом, и действительности речи шла об экстраординарном заседании Государственного совета. Об этом неоспоримо свидетельствует первоначальный вариант декларации, официального документа, в котором были изложены результаты обсуждения русско-французского договора. Александр I, говорилось в декларации, сообщил договор «Государственному совету и чрезвычайном заседании» и заявил при этом, что он рад был бы утвердить мир, но не нашел возможным ратифицировать «факт сего мнимого умиротворения». «Государственный совет, рукоподнимый единодушным чувством народной славы и известной чести императора, пришел в восторг от этого неизбежного отказа по всякой ратификации».⁹¹

Сведения об этом заседании, а возможно и нескольких заседаниях, не вполне согласуются и даже в некоторых моментах противоречат друг другу. Поэтому исследователи внешней политики могут лишь сожалеть о том, что журнал такого важного заседания отсутствует.

Итак, в журналах Совета не получила достаточно полного отражения такая важная сторона его деятельности, как выработка внешнеполитических планов царя. Это обстоятельство, еще никем не отмеченное, не могло не сказаться на оценке роли Совета во внешней политике России. Роль эта представлялась значительно менее существенной, нежели это было на самом деле.

Таковы специфические особенности журналов Совета как исторического источника. До настоящего времени эти особенности не были учтены исследователями, да и особенности публикации журналов не привлекли их внимания. Пожалуй, во многом это обстоятельство объясняет тот факт, что деятельность Совета не получила в научной литературе должного освещения, а сам Совет не занял в историографии того места, которое соответствовало бы его роли в политической жизни России начала XIX в.

С. И. ПОСОВ

ВАЖНЫЙ ДОКУМЕНТ ОБ ОТНОШЕНИИ СЛАВЯНОФИЛОВ К РЕВОЛЮЦИИ 1848 г.

В новейшей советской историографии справедливо отмечается, что славянофильство является одним из наиболее «сложных, много-составных и противоречивых явлений» общественной и литературной жизни России XIX в.¹ До сих пор времени в истории славяно-

⁹¹ Заявления, сделанные неутвержденным договором, подписанного 8/20 июля 1806 г. — (Сб. РИО, т. 82, с. 457).

¹ Литературные взгляды и творчество славянофилов. М., 1978, с. 8.

фильства многие остаются неизученным, помимо спорных проблем.² В значительной степени это связано со сложным, противоречивым характером самой славянофильской публицистики и в особенности тех произведений славянофилов, которые прямо касаются общественно-политической стороны славянофильской доктрины. В произведениях подобного рода славянофилы 40—50-х гг. XIX в. отдавали неизбежную — вследствие цензурных ограничений — дань «эзопову языку», что наряду с широким религиозной окрашенностью многих славянофильских идей всегда поднимает многочисленные трудности на пути их использования как источников по истории славянофильства.

Одним из таких «трудных» источников является статья А. С. Хомякова «По поводу Гумбольдта».³ Иногда исследователи приводят на ее ряд особенно «эффективных» цитат, но место и значение этого произведения Хомякова в публицистическом наследии раннего славянофильства по существу еще не определено. Между тем многое в статье «По поводу Гумбольдта» требует источниковедческих разъяснений, и далеко не всегда правомерно использование отдельных положений этой статьи, взятых вне ее общего контекста, без учета того, как воспринимается эта статья в целом.

Прежде всего о названии статьи. Оно почти не отражает ее содержания. Безусловно рассмотрение Хомяковым критики Гумбольдтом «стелового учения о необходимости, управляющей историческими происшествиями»,⁴ не более чем повод для того, чтобы обратиться к главной теме статьи — «европейскую революцию» 1848 г.,

² Серьезность разногласий и оценке идейного наследия славянофильства 40—50-х годов XIX в. особенно отчетливо ощущается при сопоставлении с соответствующими исследованиями славянофильства, проводившимися в последующее время. Это видно, например, уже на следующих работах: Штеин В. М. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX веков. Л., 1948; Цаголов П. А. Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. М., 1956; Сладкевич П. Г. Славянофильская критика 40—50-х годов. — В кн.: История русской критики, т. 1. М.—Л., 1958; Галактионов А. А., Пикадроп П. Ф. Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли. — Вопросы философии, 1966, № 6; Дудинская В. А. 1) Буржуазные тенденции в теории и практике славянофилов. — Вопросы истории, 1972, № 1; 2) Идеино-теоретические позиции славянофилов накануне крестьянской реформы. — История СССР, 1972, № 5; Илюк Ю. З. На истории русской общественно-литературной мысли 40—50-х годов XIX столетия. Киев, 1972; Кулишов П. П. Славянофильство и русская литература. М., 1976. — Следует отметить в этот список и уже упомянутый выше коллективный труд «Литературные взгляды и творчество славянофилов», который, как справедливо отмечает в рецензии на него П. П. Цымбаев, не только определяет несомненный интерес и для литераторов, и для представителей смежных наук, и первую очередь — историков, но и является вкладом и изучение славянофильства, дает разнообразный материал для суждений (История СССР, 1979, № 4, с. 222—225).

³ Хомяков А. С. Полн. собр. соч., т. 1. М., 1900.

⁴ Там же, с. 143.

теме, обсуждение которой в печати, как известно, не подвергалось николаевской цензурой и поэтому требовало «благонамеренного» предлога.⁵

При жизни Хомикова статьи «По поводу Гумбольдта» не были опубликованы. Падатели посмертного собрания сочинений Хомикова, куда она была включена (первое издание сочинений Хомикова вышло под редакцией Н. С. Аксакова в 1861 г., через год после смерти автора), сделали пометку, что «статья написана, кажется, в 1849 году».⁶ Однако есть основания датировать ее более точно — концом 1848 — началом 1849 г.⁷ Если это так, то статья была написана в самый разгар революционных событий на Западе.

Сам этот факт уже говорит о многом. Все внимание мыслящей России было приковано тогда к бушевавшей в Западной Европе «революционной буре». Напряженно следили за революцией и славянофилы.⁸ Какалось бы, сами события, то пугая их «ужасами насильственных переворотов», то рисуя заманчивые перспективы «соединения братьев славян» на развалинах австрийской монархии, подводили к масштабным обобщениям, укрепляли во взглядах на особый путь и «великую миссию» России.⁹ Именно после 1848 г. славянофильство вступает в новую стадию идейного раз-

⁵ Не исключено, что, делясь своей статьей столь слабо связанное с ее полным содержанием название, Хомиков стремился «маскировать» предмет своих рассуждений от «бдительных» служителей цензурного ведомства.

⁶ Хомиков А. С. Полн. собр. соч., т. I, с. 143.

⁷ Основанием нашего предположения служат письмо А. С. Хомикова А. И. Баудуной от 20 ноября 1848 г., в котором Хомиков, извинившись, что не послал своей корреспонденции «Письмо об Англии» до его публикации, писал: «Это было слово недосказанное, которое мне хотелось дописать. Теперь, хорошо ли, дурно ли, и это слово дописываю в новой статье и посылаю уже полную фразу на ваш милостивый суд» (Хомиков А. С. Полн. собр. соч., т. VIII, М., 1900, с. 390). Поскольку Хомиков в 1847 по 1851 г., кроме статьи «По поводу Гумбольдта», никаких публицистических работ подобного рода не писал, то процитированные строки из письма к Баудуной, всеми вероятнее, относятся именно к этой статье. Тем более, что падатели сочинений Хомикова сами свидетельствуют об этом, поместив при цитировании слов на его письма к Баудуной: «Отношение к статье „По поводу Гумбольдта“, ныне вышедшей в Полное собрание сочинений А. С. Хомикова, т. I» (там же).

⁸ Пифоитов А. С. Россия в 1848 году. М., 1949.

⁹ Особенно забудоражила славянофилов революция в Австрии. Под непосредственным впечатлением развертывающихся в австрийских землях событий А. С. Хомиков в письме А. И. Попову 17 марта 1848 г. писал: «Страны вы были, когда писал, что дела есть на свете еще и повстанье парижских. Падение Австрии, или, лучше сказать, распадение ее, совершилось или совершается . . . Неизбавно след карловской империи. Вероятно германской стихии, по крайней мере в отношении непосредственном, миновало. . . Поле чисто. Православие на мировом череду. Славянские племена на мировом череду» (Хомиков А. С. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 177). Подробнее об обсуждении славянофилами событий 1848—1849 гг. и ходе личной переписки, которую они активно вели в это время между собой, см.: Михайлов А. А. Революция 1848 года и славянофильство. — Уч. зап. ЛГУ, серия истор. наук, вып. 8, 1944. Ряд новых интересных данных об отношении славяно-

лития — период наибольшей активности и влияния на русское общество. Статья А. С. Хомякова «По поводу Гумбольдта» и знаменует начало этого периода. Она явилась одной из первых попыток теоретического осмысления славянофилами причин, сущности и итогов (тогда еще лишь возможных итогов) революции на Западе.

Конечно, мы далеки от того, чтобы «воспринимать славянофилов „на одно лицо“, как шесть доверей книги Тугоуховского»,¹⁰ и считаем, что при взгляде славянофилов, в том числе оценки ими революции 1848 г., во всем и всегда совпадали (о разногласиях и спорах между ними в этот период говорит их обширная личная переписка конца 40-х годов, подробно разобранная в указанной статье А. А. Михайлова). Но поскольку данная статья Хомякова является единственным предназначенным для печати публицистическим произведением славянофилов 1848—1849 гг., в котором дана развернутая оценка «западных революций», нам представляется, что есть основание рассматривать ее как выражение в какой-то мере общих для большинства славянофилов взглядов на события на Западе.¹¹

Композиционно статья «По поводу Гумбольдта», как и другие публицистические произведения Хомякова, многожанерна. Об этом свидетельствует уже само наименование содержания статьи, данное издателями: «Смещение факта с его разумением. — Очерк западной истории. — Книга Макса Штирнера. — Древнее русское общество. — Петр I. — Источники русской науки. — Личность в искусстве. — Икона. — Отсутствие предания. — Мирские сходки. — Наш визизм. — Возврат к русской жизни. — Самоосознание».¹² Однако, нестрай по структуре, эта статья однолинейна в идейном отношении. В ней есть своего рода «идейный стержень», внутреннее единство. Главное для Хомякова — высказать свою «заветную мысль», на которой, по существу, построено все здание его концепции «западных революций»: 1) причина «всеобщих потрясений» в Западной Европе и общем и безвыходном кризисе «западных начал», всего «существования» на «эгоистиче-

ска» славянофилов к революции 1848 г. приводится в исследовании Е. А. Дудинской «Русские славянофилы и зарубежное славянство». (Методологические проблемы истории славяноведения. М., 1978, с. 264—279).

¹⁰ Я и к о в с к и й Ю. З. Из истории русской общественно-литературной мысли 40—50-х годов XIX столетия. Киев, 1972, с. 4.

¹¹ Отметим, что, вероятно, именно та ответственность, с которой затронута Хомяковым эта «опасная» в глазах правительства тема, и послужила главной причиной того, что статья «По поводу Гумбольдта» не была пропущена николаевской цензурой к печати. Интересно, что Хомяков и сам сознавал, что изыскан в своей статье на весьма «сквозячку» — тему и цензура может ее не пропустить. В уже указанном письме к А. П. Блудовой от 26 ноября 1848 г. он прямо писал: «По-настоящему, будет ли ко мне снисходительная строгая припрятница нашей печатной словесности — цензура, и удастся ли мне все свою мысль высказать перед читающим лицом» (Хомяков А. С. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 390).

¹² Хомяков А. С. Полн. собр. соч., т. I, с. 143—174.

ностей» западного общественного устройства; 2) спасти гибнущий Запад может лишь мессианиззм России, являющийся посетительницей начал христианского братства и общежития, заложенных в пра-вославии и «общинном духе» русского народа.

«Никогда не было таких волнений народных и такого всеобщего разрушения всех прежних начал без возникновения новых начал, к которым человек мог бы обратить глаза с желанием и надеждою», — утверждает Хомяков.¹³ Именно во «всеобщем разрушении» без «разумной» цели, в «катастрофе без выхода» и «уничтожении» прошлого без «создания» будущего видит Хомяков сущность революционных потрясений в Западной Европе в конце 40-х годов XIX в. Однако здесь Хомякову приходится отговариваться. Он не может игнорировать «каких-то Геккеров, Коссидьеров, Гарбесов и др.», хотя и пытается утверждать, что «стыдно было бы приписывать этим Геккерям, Коссидьерам, Вланам или Прудонам какое-нибудь значение». Послед за этим, прямо скажем, весьма самоуверенным утверждением и в непосредственной связи с ним Хомяков пишет: «Правда, указываются иногда кое-какие начала, к которым временно пристрастается беспокойная толпа. . ., они служили кое-где предлогом, но ни где не были причиной движения».¹⁴ По мнению Хомякова, «общества надают» «не от сильных каких-нибудь потрясений», никакая социальная, а тем более политическая борьба, согласно его концепции исторического развития, вообще не может быть причиной коренных изменений в «общественном организме». Дело в другом, в том, что «чему то изверилось человечество», — считает Хомяков. И тут, с его точки зрения, «объяснения, взятые на общественной жизни западных народов, недостаточны, критика государственных форм недостаточна». «Отжили не формы, но начала духовные, не условия общества, но вера, в которой жила общность и люди, составлявшие общность», — пишет Хомяков. Этой «верой», в которой жила Западная Европа, были, как он утверждает, «латинство и протестантство». — К борьбе между ними Хомяков сводит всю западноевропейскую историю и в «искажении» латинством и протестантством «истинного христианства» видит причины «падения» западного общества.¹⁵ «Как скоро»

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, с. 147.

¹⁵ По мнению Хомякова, «латинство» являлось христианством, «одно-сторонне позитивным», поскольку выражало лишь «закон внешнего единства». «Протестантизм» также было, согласно схеме Хомякова, «односторонним», но «с направлением, противоположным первому: ибо протестантизм удерживало идею свободы и приносил ей в жертву идею единства». «Истинное» же христианство, как полагает Хомяков, «представляло идею единства и свободы», «неразрывно соединенные в нравственном законе взаимной любви» (Хомяков А. С. Полн. собр. соч., т. 1, с. 148—149). Нетрудно заметить, как это ни парадоксально, «истинность» православия Хомяков доказывал по «триаде» Гегеля: «латинство» — единство без свободы (тезис), «протестантизм» — свобода без единства (антитезис), «православие» — свобода и единство (синтез). Это исползование формулы развития Гегеля славяно-

эти «оба духовные начала» Запада «замокли» перед требованием критики. . . , вера в разумное развитие погибла, и жадное истерическое влечение к материальным интересам (отчасти законным) не могло признать перед собой никакого другого пути, кроме пути изрыгов и насилия.¹⁶

За отвлеченными рассуждениями Хомякова о латинстве и протестантстве терзается конкретно-историческое содержание этих понятий. Впрочем, Хомяков, кажется, и не стремится быть исторически точным. «Латинство» и «протестантство» для него лишь «символы» разных эпох и путей в развитии западной цивилизации.¹⁷ Даже само понятие «вера» трактуется Хомяковым в расширительном смысле, выходит за рамки обычно идентичного с ним понятия религия. «Безверие» для Хомякова — это отсутствие идеалов, состояние духовной неудовлетворенности человека, глубоко отражающееся на развитии общества. «Внутреннее омертвление людей высказывается судорожными движениями общественных организаций, ибо человек. . . не может и не должен жить без веры», — утверждает он.¹⁸ За рассуждениями Хомякова постоянно сквозит мысль, что только «вера», причем вера «истинно христианская», может быть условием общественного здоровья, «хранит объективную истину». Субъективные, «самодеятельные» духовные начала не могут удовлетворить человека, он отказывается «повториться» им и вступает на путь «изрыгов и насилия». «Современная история есть живой комментарий на Маса Штирнера», — пишет Хомяков.¹⁹ И такой был смысл всемирной истории, чтобы человечество, не познавшее христианства или познавшее его односторонне, пришло путем отрицания к пониманию собственной ошибки», — заключает он.²⁰ Будучи же хоть раз осознанной, «иррациональная ошибка», с точки зрения Хомякова, «уже невозможна, человек не может уже понимать некую истину первобытного христианства иначе, как в ее полноте, т. е. в тождестве единства. . . и свободы». И только «наша Русь, принявшая чистое христианство издревле. . .

филами весьма симптоматично. Оно показывает, что даже такой решительный противник «изысканной системы», каков был Хомяков, не смог обойтись в своей философско-исторической схеме без диалектического метода великого немецкого философа. Диалектическию логика Гегеля даже для славянофилов была неотъемлемой частью теоретизации.

¹⁶ Хомяков А. С. Полн. собр. соч., т. 1, с. 148.

¹⁷ Вот, например, что пишет Хомяков о протестантизме: «Несмотря на то, что история Варона принадлежит протестантизму, даже и землях, славящихся им католические. . . В области религии догматическое протестантизм исчезло и перешло в неопределенность философского скепсиса, и области жизни общественной оно перешло в состояние беспримельного брожения, которым потрясен западный мир» (Хомяков А. С. Полн. собр. соч., т. 1, с. 149—150). На протяжении этих строк явствует, что Хомяков называет «протестантизм» всякую оппозицию «римскому» католическому христианству и тесно связанным с ним феодальным порядкам.

¹⁸ Там же, с. 147.

¹⁹ Там же, с. 151.

²⁰ Там же.

и сделавшаяся его крепким сосудом. . . и силу того общинного начала, которому она жила», может воздвигнуть «обновление» мира.²¹ Провозглашая, что настало время для осуществления «мессиянского назначения» России,²² Хомяков утверждает: «Постигнув значение современных движений и признание Русской земли в истории всемирной, мы приходим к глубокому убеждению, что Русская земля исполнит свое призвание». Такой его общий и главный вывод.

Дальнейшая часть статьи посвящена развитию и обоснованию этого взгляда примерами из истории России и жизни русского народа. Сюда относятся характеристика «этнических» настроений русского «образованного общества» (русского «интеллигента»), оценка роли общинных традиций и устоев в жизни русского крестьянства и, наконец, характеристика движущих сил русской истории, данная Хомяковым в виде краткого очерка истории России, заканчивающегося оценкой деятельности Петра I и нового, принятого в результате «петровских преобразований», «подражательного», по его мнению, направления в развитии русского общества. Этот очерк представляет немалый интерес для изучения историко-философской концепции Хомякова.

В оценке исторического развития России Хомяков исходит из теоретической презумпции, что «правильное и успешное движение разумного общества состоит из двух разнородных сил», одна из которых — «стихия народная», другая — «разумная сила личности». В русской истории равноценно и «согласно» между этими си-

²¹ Там же, с. 151—152.

²² Одной из наиболее сложных и менее всего изученных в истории славянофильства является проблема соотношения и учета разных славянофильских национализмов и мессианизма — проблема, непосредственно связанная с вопросом о путях выполнения Россией предназначенной ей, согласно славянофильской теории, «восточной роли» в обновлении мира. Некогда П. П. Миллюков, критикуя «этноцентризм» и «исославянофильство» в лекции под характерным названием «Разложение славянофильства», пытался доказать, что в основе старого славянофильства (т. е. раннего славянофильства, — С. И.) лежало внутреннее противоречие. Идея национальности являла для него должное развитие идеи мессианизма, а мессианистская идея мешала раскрытию идеи национальности (М и л ю к о в П. П. Из истории русской интеллигенции. СПб., 1902, с. 303). При этом у Миллюкова, по существу, получалось, что мессианизм вообще несовместим с признанием так или иначе выраженной национальной исключительности, «избранности» народа России (славянофильские идеалы «избранности» русского народа и его стремления к «безгосударственности», «всемирности» и «общинному духу»). С подобной постановкой вопроса трудно согласиться: в каком мессианизме России вообще могла бы идти речь, если бы русский народ не провозглашался славянофилами носителем «истинного христианства», «избранным» народом, которому одному суждено познать «во всей полноте и чистоте» учение Христа и довести его миру. Обоснование же идеи об «особой роли» русского народа в будущем неизбежно шло по пути признания «исключительности» его историк и нравственных качеств, т. е. по пути проповеди национализма. В этом смысле национальные «пристрастия» «черных славянофилов» не только не противоречили надвинутой ими идее «мессианизма» России, а служили ей основанием, опорой.

лами (или «началами») нарушались, как считает Хомяков, еще в Древней Руси в период «внешних гроз» (татарской и литовской). Кульминационной точкой их противоборства была «борьба 1612 года», окончившаяся торжеством и «ожесточением народного начала, стеснившего свободу мысли человеческой».²³ Однако, по мнению Хомякова, «стребование мысли, восстающей против стеснительного деспотизма обычаев и стихий местных, не осталось без представителей. . . оно нашло себе представителя, давшего ему полный перевес и быструю победу. Этот представитель, один из могущественнейших умов и едва ли не сильнейшая поля, какие представляет нам летопись народов, был Петр. Как бы строго ни судила его будущая история (и бесспорно, много тяжелых обвинений падает на его память), она признает, что направление, которого он был представителем, не было совершенно неправым: оно сделалось неправым только в своем торжестве, а это торжество было полно и совершенно».²⁴ Отметим, что к такому прямому отождествлению «начала личности» с «европеизмом», а «народной стихией» с «деспотизмом обычаев и стихий местных» Хомяков приходит лишь в 1847—1848 гг. (впервые этот взгляд на силы, движущие развитием общества, выражен им в «Письме об Англию», написанном после поездки в Англию летом 1847 г.; кстати говоря, вероятно, именно о дальнейшем развитии этой идеи говорил Хомяков в цитированном нами ранее письме к А. В. Блудовой).

Что же можно сказать об общем социально-политическом звучании статьи «По поводу Гумбольдта», о взглядах Хомякова, какими они предстают в этом в известном смысле программном произведении славянофильской публицистики 40-х годов?

Революционные события в Западной Европе явно встревожили Хомякова, хотя он и стремился представить революцию закономерной «карой за грехи» Запада. Но в то же время Хомяков как будто даже радуется «краху западного мира», неразрывно связанная его с будущим торжеством «мира славянского» и духовным «обновлением» человечества. Именно в этом переизлечении встречаемости перед революциями на Западе с поскрываемой радостью, что «устои западного общества» наконец-то рухнут, «освобождая полотно истории перед православно-общинной Россией, и состоит особенность восприятия славянофилами революции 1848 г. Если для либералов западноевропейского толка революция на Западе означала только «всеобщее разрушение», то для славянофилов «крушение» «гнилого Запада» казалось преддверием великого «мирообновления», которое возглавит Россия.

В своей основе такая позиция была в теоретическом и практическом смысле явно утопична. И прав был Г. В. Плеханов, когда писал, что «славянофильское учение было ретроспективной утопией, основанной на идеализации таких общественных отно-

²³ Там же, с. 152—154.

²⁴ Там же, с. 154—155.

тений, которые предполагались свободными от классовой борьбы, поскольку именно «классовая борьба была в глазах славянофилов источником всех тех зол, от которых страдал Запад и от которых пушино было бы по что бы то ни стало предохранить Россию».²⁵

Итак, являясь одним из наиболее ярких публицистических произведений славянофилов 40-х годов, в котором антиреволюционная сущность их общественных идеалов проявилась особенно отчетливо, статья А. С. Хомякова «По поводу Гумбольдта» помогает глубже понять существо идейно-политических позиций славянофилов, их взгляды на будущие судьбы не только России, но и буржуазного Запада. В какой-то мере эти статья проливает свет и на вопрос об идейных преемниках раннего славянофильства и русской общественной мысли конца XIX — начала XX века. И хотя, как отмечает К. Н. Ломунов, «истинные славянофилы. . . (имеются в виду идеологи славянофильства 40—50-х годов XIX века, — С. П.) не могут нести ответственность за слова и дела тех, кто вошел в историю русской общественной мысли под именем «последних славянофилов». . . и «послеславянофилов»»,²⁶ связь этих явно консервативных направлений с многими идеями «отцов» славянофильства вряд ли следует недооценивать.

Многое, может быть даже слишком многое, в идейном содержании рассмотренной статьи А. С. Хомякова скрыто «между строк», составляет, так сказать, «утаенную» часть славянофильской доктрины. Именно поэтому наше внимание было сконцентрировано на доминирующей теме статьи — теме православно-славянского мес-спонизма, идеи которого славянофилы не так часто предавали широкой гласности. Прежде всего в этом смысле — как попытка истолковать революционные события 1848 г. в духе этой славянофильской доктрины и провозгласить их началом гибели «старой Европы» — статья «По поводу Гумбольдта» представляет наибольший интерес и немалую источниковедческую ценность для изучения общественно-политических взглядов славянофилов

В. А. НАРДОВА, В. Р. ЧЕРНУХА

ЗАКОНЫ 13 ИЮНЯ 1867 г.

Перечисляя «антиземские» мероприятия самодержавия в 60-е годы, В. И. Ленин в работе «Госители земства и ажиотаж либерализма» припел и законы 13 июня 1867 г. как акт, существенно ограничивающий права земских учреждений: «13-го июня 1867 г. состоялось высочайше утвержденное мнение Государственного совета, запрещающее без разрешения местного губернского ка-

²⁵ Плеханов Г. В. Соч., т. XXIII, 1926, с. 108.

²⁶ Литературные взгляды и творчество славянофилов, с. 9.